

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ВАЕХИ

12 вопросов для обсуждения за субботним столом

Двенадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Ваехи — инструмент семьи»: почему со времён Адама никому не удаётся говорить друг с другом, как можно уступить право первородства и почему в этой главе нет пробела. Вплоть до «Шма», которое сыновья Якова произносят у ложа своего отца.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом главы Ваехи

01 Со времен Адама никто не говорит друг с другом

02 Тепло, которого не хватало

03 Когда сын становится братом

04 Первенец, для которого уже просят брата

05 Скрещенные руки

06 «Увидит тебя и возрадуется»

07 Глава без пробела

08 Сон — пробел нашей жизни

09 Семнадцать лет полноты — в Египте

10 Закрытые глаза и сердце

11 Что Яаков не смог сказать

12 Ответ, данный у ложа

Со времен Адама никто не говорит друг с другом

ВВЕДЕНИЕ

Книга Берешит завершается, семья Израиля сложилась, и история народа может начаться с книги Шмот. Но, перечитывая всё начиная с Адама, рав замечает, что в каждом поколении недоставало одного и того же: диалога.

ВОПРОС

О чём говорят, когда нет общего замысла, — и почему молчание может завести так же далеко, как насилие?

ОТВЕТ

«И сказал Каин Эвелю, брату своему...» (Берешит 4:8); «И был на всей земле один язык и слова одни» (Берешит 11:1).

Адам не ведёт никакого диалога со своей женой. Они, вероятно, говорят о повседневных нуждах — необходимых, но элементарных; сверх этого нет ни идеала, ни жизненного замысла, а потому между ними не возникает никакого разговора. Они остаются в своей изначальной наготе.

Каин пытается завязать диалог с братом, но Эвель считает его невозможным: он молчит, и Каин убивает его. Лемех говорит со своими двумя жёнами, но чтобы оправдаться за убитого: они не отвечают. Ноах считает, что ничем не обязан своему поколению; ему достаточно дарованного ему спасения.

У поколения рассеяния есть и идеал, и замысел. Но это замысел единомыслия, навязанного: все должны думать одно и то же и идти в одном направлении. Провал.

ВЫВОД РАВА

Пока семья не сложилась как должно, творить историю невозможно.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

С кем у нас дома мы обмениваемся лишь бытовыми мелочами: расписанием, покупками, счетами? Какой общий замысел мог бы питать настоящий разговор? И когда мы молчим — это мудрость или мы считаем диалог невозможным?

Тепло, которого не хватало

ВВЕДЕНИЕ

С праотцами слово возвращается, но всё ещё спотыкается. Авраам и Лот расходятся, Ицхак и Ишмаэль не разговаривают, Эсав и Яков кончают отторжением. Затем приходит самая близкая неудача: Йосеф и его братья, внутри одной семьи.

ВОПРОС

Чего не хватает семье, члены которой больше не могут говорить друг с другом, — и кто способен восстановить связь?

ОТВЕТ

«И не могли они говорить с ним мирно» (Берешит 37:4).

На Авраама возлагали надежду, что он вернёт слово. Он пробует с Лотом, но вынужден с ним расстаться: их пути не сходятся. Ицхак и Ишмаэль не разговаривают; Ишмаэль попросту ненавидит брата. Эсав и Яков начинают диалог, но корыстный, и речь оборачивается насилием, словно повторяя речь Каина и Эве.

Йосеф и его братья не могут говорить друг с другом внутри одной семьи. Здесь-то и нужно говорить о тепле, говорит рав. Без него даже не хочется приводить детей в мир.

И именно Йосефу, брату, отвергнутому братьями, удастся вновь обрести диалог между братьями и вернуть объединяющую речь праотцов.

ВЫВОД РАВА

Пока в семейной ячейке нет тепла, как же можно продолжать?

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Семью не всегда исцеляет самый любимый; порой это делает тот, кого держали в стороне. Кто у нас мог бы сегодня заново создать связь? И что конкретно согревает наш дом?

Когда сын становится братом

ВВЕДЕНИЕ

Когда слово вновь обретено, остаётся другое препятствие: право первородства. Со времён Каина и Эвея оно служит предметом раздора — между Ишмаэлем и Ицхаком, между Эсавом и Яковом. Яков, наученный всем своим опытом, хочет порождений, которые не разывают семью.

ВОПРОС

Как может первенец согласиться больше не быть «тем самым» сыном, и что делает Реувен со своим правом?

ОТВЕТ

«И нарекла ему имя Реувен» — «смотрите, сын» (Берешит 29:32).

Первенца назначает природа. Он единственный сын, любимый сын; когда появляется второй ребёнок, он уже не «бен», сын: он становится «ах», братом, и это положение ему не по душе. Поэтому между старшим и младшим всегда будет, по сути, напряжение.

Лея не говорит «смотрите, мой сын», но «Реувен»: смотрите — сын, образец сына. В чём? Для Леи важнее всего было иметь ребёнка от Якова; и она подчёркивает разницу между своим сыном и сыном своего свёкра, Эсавом: здесь раздора не будет.

Реувен не только не требует своего права первородства, но уступает его Йосефу, и именно он попытается вытащить его из ямы, куда бросили его братья.

ВЫВОД РАВА

Он не требует права первородства. Он уступает его, он готов его уступить.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Кто у нас занимает место лишь потому, что родился первым? Что почувствовал старший, когда появился второй? И что мы получили без усилий такого, что могли бы уступить брату или сестре?

Первенец, для которого уже просят брата

ВВЕДЕНИЕ

У Яакова не один первенец, а четыре: Реувен, сын Леи; Дан, сын Билхи; Гад, сын Зилпы; и Йосеф, первый сын Рахели. Два из этих первородств не будут засчитаны, а первородство Йосефа не даст ему царства.

ВОПРОС

Почему некоторые первородства не засчитываются, и что говорит само имя Йосефа?

ОТВЕТ

«Снял Элоким позор мой... Да прибавит мне Ашем другого сына» (Берешит 30:23–24).

Рахель отдаёт Яакову свою служанку Билху с единственной целью — самой иметь детей: то, что сегодня мы назвали бы суррогатной матерью. Это лишь проход, мост: это первородство не будет принято во внимание. Так же и с Зилпой: у Леи было уже четыре сына, этого было вполне достаточно; она искала лишь прибавления, и это первородство тоже не будет засчитано.

Приходит черёд Рахели. Она благодарит Б-га за то, что Он положил конец её унижению, её позору. Можно было ожидать, что она назовёт ребёнка в память об этом снятом позоре. Она называет его Йосеф: да прибавит Он мне другого сына. Вот первенец, для которого тотчас просят младшего, — им станет Биньямин.

Йосеф действительно будет признан первенцем. Но поскольку он навлёк на себя враждебность братьев, царство ему не будет дано: оно перейдёт к Иегуде.

ВЫВОД РАВА

Вот первенец, для которого просят Биньямина.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Имя Йосефа — молитва о другом. За кого в семье мы молились так же, как за себя? И какое место мы потеряли не из-за отсутствия права, а потому что не сумели жить с братьями?

Скрещенные руки

ВВЕДЕНИЕ

Яков благословляет сыновей Йосефа, скрестив руки: правая рука на Эфраиме, младшем, левая — на Менаше, старшем. И именно этим благословением до сих пор благословляют детей.

ВОПРОС

Почему благословение, которое дают детям, увековечивает младшего, поставленного перед старшим?

ОТВЕТ

«И простёр Израиль правую руку свою, и положил на голову Эфраима, а он был младший... скрестил руки свои» (Берешит 48:14); «Да сделает тебя Б-г подобным Эфраиму и Менаше» (Берешит 48:20).

Именно у сыновей Йосефа, говорит рав, по-настоящему осуществляется уступка первородства. Яков отдаёт предпочтение Эфраиму, который посвящал всё своё время учёбе у деда, тогда как Менаше был правой рукой отца в управлении делами Египта.

Так и было установлено благословение детей: да сделает тебя Б-г подобным Эфраиму и Менаше. Право первородства становится отныне, если угодно, материальным возмещением — не более того.

Духовное руководство семьёй не достаётся автоматически тому, кто родился первым: оно достаётся тому, кто его заслуживает.

ВЫВОД РАВА

Ни в коем случае старший не может притязать на духовную власть над руководством семьёй, если только он действительно этого не заслуживает.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В пятницу вечером мы благословляем сыновей именем двух братьев, из которых младший идёт впереди старшего. Что мы хотим передать им этими словами? И кто в нашей семье ведёт, потому что он старший, а кто — потому что заслуживает?

«Увидит тебя и возрадуется»

ВВЕДЕНИЕ

Яков знал покой лишь семнадцать лет; его жизнь была борьбой и страданием — потерянная Дина, Йосеф, долго разлучённый с ним. Некоторые толкователи выводят из этого, что лучше не отваживаться создавать большую семью. Книга Шмот рассказывает иное.

ВОПРОС

С чего начинается сопротивление в Египте и чем завершается история права первородства?

ОТВЕТ

«Пошли того, кого пошлѐшь» (Шмот 4:13); «Увидит тебя и возрадуется в сердце своём» (Шмот 4:14).

Сопротивление в Египте начинается с детей, которые требуют рождений. Перед ограничениями Фараона семьи расставались и не хотели больше детей. Мирьям пошла сказать родителям: прекращая всякую супружескую жизнь, вы помогаете Фараону покончить с еврейским народом. Амрам вновь взял Йохевед, и родился Моше, когда Аарон, старший, и Мирьям были уже на свете.

Аарон руководил делами семьи всё время изгнания Моше. Когда Б-г поручает Моше его миссию, тот отказывается: пошли того, кто до сих пор был Твоим посланцем, — Аарона, моего старшего брата, это поручение принадлежит ему. Б-г утешает его: иди, он не обидится.

Аарон не только примет то, что его младший брат станет вождем, но и возрадуется этому.

ВЫВОД РАВА

Радоваться праву первородства, уступленному и признанному за младшим братом, — именно это и было замыслом истории семьи праотцов.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Поздравлять мы умеем; радоваться — меньше. Пусть каждый назовёт успех близкого, которому ему было нелегко аплодировать. И какой ребёнок у нас уже напоминал взрослым о том, что по-настоящему важно?

Глава без пробела

ВВЕДЕНИЕ

Между двумя главами писец всегда оставляет пробел в девять букв. Между Ваигаш и Ваехи такого пробела нет: они слиты, словно одна не может быть написана без другой.

ВОПРОС

Зачем нужен пробел, окружающий буквы и разделяющий две главы, — и почему именно девять букв?

ОТВЕТ

Раши на Берешит 47:28: «Почему эта глава совершенно закрыта?»

У каждой буквы четыре отзвука: сама буква; напев, который её сопровождает; смысл, который придают ей коронки, начертанные над ней; и пробел, который её окружает. Каждая буква самостоятельна: если она слилась с другой, свиток Торы непригоден, и его нужно отложить, пока буквы не разделят. Этот пробел — несказанное каждой буквы, то, что лежит за пределами того, что я могу выразить сам.

Почему девять? Потому что всё считается десятками: десять этапов творения, десять заповедей, десять казней, десять этапов мысли. Она приходит в сыром виде, через озарение извне; проходит через бину, анализ; возвращается к тиферет, синтезу; нужно проверить, мимолётна ли она или сохранится; нужно, наконец, искусство её выразить, поэзия, которая сделает её йесодом, основой. Десятый элемент — всегда замысел будущего, запускающий новый цикл.

ВЫВОД РАВА

Вы закончили главу? Попробуйте теперь вобрать её, прожить её, дать ей место в своей жизни.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы нанизываем чтения, уроки, новости, не оставляя пробела. Какая услышанная на этой неделе мысль заслуживает того, чтобы ей освободили место? И какого пробела — паузы, молчания — не хватает нашим разговорам?

Сон — пробел нашей жизни

ВВЕДЕНИЕ

Если за каждой главой следует пробел, чтобы мысль созрела, то и в нашей жизни он есть. Рав называет его: сон. И выводит из этого совет для Шабата.

ВОПРОС

Отдых — это время, потерянное для учёбы, или момент, когда она созревает?

ОТВЕТ

Субботний дневной сон и Ари заль, получавший в нём откровения.

Сон и есть этот пробел в нашей жизни. Когда мы поучились, закрываем глаза и даём мыслям отдохнуть, они отдыхают не совсем: именно тогда они занимают своё место и созревают в нашем уме.

И то, что мы обретаем благодаря этому отдыху, порой ценнее того, что мы изучили за день и что всегда остаётся в уме немного смутным.

Поэтому и рекомендуется дневной сон в Шабат. Ари заль говорил, что во время субботнего сна ему открывались откровения, которых у него не было за всю остальную неделю: это циклическое обновление всей мысли.

ВЫВОД РАВА

Сон обновляет мысль человека.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Порой мы принимаем решения, не дав им ни одной ночи. Какое из них стоило оставить отлежаться? И что мы делаем с субботним покоем: пустое время или время, когда прожитое за неделю находит своё место?

Семнадцать лет полноты — в Египте

ВВЕДЕНИЕ

Яков живет семнадцать лет в земле египетской. Вся его жизнь была лишь борьбой и страданием; именно в изгнании он наконец обретает покой. И именно в изгнании его семья впервые оказывается в полном составе.

ВОПРОС

Почему семья Израиль в полной мере осуществляет себя лишь в Египте, а не в обетованной земле?

ОТВЕТ

«И поселился Израиль в земле египетской, в земле Гошен» (Берешит 47:27); «И жил Яков в земле египетской семнадцать лет» (Берешит 47:28).

Семнадцать — хорошее число: это числовое значение слова «тов», благо. Яков переживает эту полноту в Египте, и именно там семья складывается в совершенстве. Позже в Египте народ выкует свою идентичность; и в Пурим, снова в изгнании, он добровольно примет Устную Тору.

Почему не в Земле Израиль? Потому что народ Израиль не может осуществить себя, физически и духовно, без всемирного измерения других. Поэтому Ваехи вполне естественно продолжает последний стих: поселился Израиль в земле Гошен. Гошен — это еврейский квартал той эпохи, и его им мало: им нужно расширяться, укореняться.

И текст меняет имя. Израиль — духовное измерение; Яков — физическая реальность. В изгнании мы снова становимся Яковом: новорожденным, держащим Эсава за пятку, не дающим ему уйти дальше или идущим по его следу, чтобы не потерять его.

ВЫВОД РАВА

В изгнании мы Яков, у себя дома мы Израиль. Тогда идентичность становится цельной.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Где мы больше всего созрели: там, где нам было удобно, или там, где мы были чужими? И в повседневной жизни когда мы Яков, цепляющийся за пятку других, а когда — Израиль?

Закрытые глаза и сердце

ВВЕДЕНИЕ

Раши спрашивает, почему эта глава закрыта, без пробела. Первый ответ: потому что со смертью Якова глаза и сердце Израиля закрылись от тягот порабощения.

ВОПРОС

Египтяне поработили народ лишь после смерти Йосефа. Почему же ослепление датируется смертью Якова?

ОТВЕТ

Раши на Берешит 47:28: «Когда умер Яков, отец наш, закрылись глаза и сердце Израиля».

Глаз — то, что анализирует и различает; сердце — то, что чувствует, «регеш». Это два способа постичь событие, и оба закрылись. Они не увидели последствий того, что казалось им счастьем: как хорошо жить в Египте, ладить с другими культурами, жить в согласии с другими. Условия жизни были неплохими.

А ведь при жизни Якова у них была возможность сказать: наша семья сложилась, мы можем вернуться в обетованную землю. Значит, здесь есть осуждение этого добровольно затянувшегося пребывания.

Яков же не хотел даже временного погребения в Египте. Он берёт с Йосефа клятву немедленно перенести его тело, тогда как Йосеф попросит лишь вынести его останки в день освобождения. Яков спустился только по велению Б-га: «Я сойду с тобою, и Я выведу тебя». Его дети должны были понять.

ВЫВОД РАВА

Они не заглянули дальше того, что виделось им вдали.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В изгнании никогда не «обосновываются» — в нём просто становится хорошо. Что у нас стало настолько удобным, что мы больше не смотрим, куда это ведёт? И кто в семье ещё смотрит глазом, когда все остальные судят сердцем?

Что Яков не смог сказать

ВВЕДЕНИЕ

Раши даёт второе объяснение: Яков хотел открыть сыновьям конец дней, «кец», и это было от него скрыто. Пророческий дар покинул его в тот миг, когда он собирался заговорить.

ВОПРОС

Почему умирающему отцу не дают сказать детям то, что он знает об их будущем?

ОТВЕТ

«Соберитесь, и я скажу вам, что случится с вами в конце дней» (Берешит 49:1); Раши на Берешит 47:28.

Яков хотел ободрить своих детей, а через них — своё потомство. Он знал о союзе, заключённом с Авраамом: народ будет жить в Египте в тяжёлых условиях, прежде чем выкует там свою идентичность и выйдет оттуда с жадной свободой. И первая весть, которую нужно нести миру, — это свобода действия и ответственность каждого.

А коэн носил на своём наперснике имена двенадцати колен, чтобы приобщить их все к своему служению. Рав отмечает, что в этих именах недостаёт четырёх букв: куф и цади, образующих «кец», конец; хет и тет, образующих «хет», грех, — а хет открыт лишь снизу, как надлом.

Тогда Яков задумался: если мне не дадут открыть «кец», не осталось ли чего-то нерешённого у моих детей? Быть может, этот «шалом» — лишь способ не причинять мне страданий; он ещё не прошёл проверку, ведь отец ещё не ушёл.

ВЫВОД РАВА

Настоящее братство проверяется, когда отца уже нет.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Порой кажется, что царит мир, а на деле никто не хочет огорчать того, кто скоро уйдёт. Какой будет наша семья в тот день, когда некого будет щадить? И что мы можем уладить уже сегодня?

Ответ, данный у ложа

ВВЕДЕНИЕ

Сыновья Яакова, собравшиеся вокруг его ложа, чувствуют его тревогу. Они отвечают ему, произнося «Шма», исповедание веры. И жест, который сопровождает его до сих пор, — закрыть глаза.

ВОПРОС

Что именно отвечают сыновья Яакову — и почему, произнося это, нужно закрыть глаза?

ОТВЕТ

«Слушай, Израиль: Ашем — Б-г наш, Ашем один» — сказанное сыновьями Яакова у ложа отца (Песахим 56а).

Они говорят ему: так же как у тебя цельная вера в Того, Кто Един, Кто соединяет небо с землёй, Кто стоит у истоков творения и властвует над всеми созданиями, знай, что и мы едины этой же верой.

И когда мы произносим эту веру, первый жест — закрыть глаза. Ибо это запредельное: не то, что мы станем обосновывать рассуждением, что подчинялось бы какой-либо логике. Эта вера присутствует в нас; когда она подвергнется испытанию, она заявит о себе.

Отсюда совет: читать «Шма» вместе с общиной. Останавливаются, ждут, пока все дойдут до этой части молитвы; и даже если каждый находится в своём месте, как только другие произносят её, мы должны присоединиться к их исповеданию веры. Это знак нашей причастности к одной и той же вере.

ВЫВОД РАВА

Мы одновременно дети Яакова и дети Израиля.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Единство не доказывают речью: его доказывают, останавливаясь, чтобы подождать других. Кого мы оставили позади, потому что он не шёл в нашем ритме? И какое убеждение мы могли бы произнести вместе сегодня вечером за этим столом?